

УДК 2-135.2

DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-80-91

диакон С. А. Князькин

БИБЛЕЙСКИЙ СИМВОЛИЗМ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «СВЯТОЙ НОЧЬЮ»

Аннотация. В фокусе внимания статьи — рассказ А. П. Чехова «Святой ночью». Вопрос об актуальности исследования анализируемого в настоящей статье рассказа в символическом контексте до сих пор остается дискуссионным. В то же время в зарубежном литературоведении уже были предприняты серьезные попытки проанализировать творчество А. П. Чехова на предмет символизма. В частности, У. Ч. Аксельрод был исследован рассказ «Святой ночью» в контексте общего символа литургического перехода от Великой Субботы к Пасхе. В то же время попытка герменевтического истолкования символики У. Ч. Аксельрод затронула отнюдь не все образы, использованные А. П. Чеховым в его рассказе. В статье автор предлагает читателям более широкий взгляд и подробный комментарий на использованные А. П. Чеховым библейские образы в рассказе «Святой ночью». Автор делает акцент на герменевтическом анализе исследуемых символов.

В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка проанализировать рассказ А. П. Чехова «Святой ночью» на предмет библейского символизма, опираясь на предыдущие исследования объекта. Цель статьи — всестороннее рассмотрение существующих в исследуемом рассказе А. П. Чехова библейских символов. Особое внимание уделяется интерпретациям и комментариям зарубежных литературоведов У. Ч. Аксельрод, Д. Рейфилда и К. МакСуини. По мнению автора статьи, рассказ А. П. Чехова является целостной системой символизма, выстроенной на основе единой центральной идеи, поэтому для анализа произведения был использован системный методологический подход, в основе которого лежат принципы целостности и структуризации.

Научная новизна исследования заключается в том, что статья является первой в отечественной науке попыткой подробно исследовать рассказ А. П. Чехова «Святой ночью» на предмет библейского символизма на основе известных автору зарубежных источников. Автор статьи приходит к выводу, что библейский символизм позволяет А. П. Чехову показать непосредственное приобщение каждого из персонажей исследуемого повествования к библейским событиям, вспоминаемым за пасхальным богослужением.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Святой ночью», пасхальный рассказ, библейские образы, русская литература, XIX век, символ.

Цитирование. Князькин С. А. Библейский символизм в рассказе А. П. Чехова «Святой ночью» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 80–91. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-80-91

Сведения об авторе. Князькин Сергей Александрович, диакон — магистр религиоведения, клирик Кирилло-Мефодиевского храма Московской епархии Русской Православной Церкви (Россия, г. Подольск). *E-mail: finist.theologian@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.07.2020

Принята к публикации 15.09.2020

Одним из самых удивительных русских писателей XIX в. был и остается Антон Павлович Чехов. Американская писательница и журналистка Джанет Малькольм в своей книге «Reading Chekhov: A Critical Journey» сравнивает мастерство Чехова с мастерством героев его рассказа «Святой ночью»: «...чтоб тут и цветы были, и молния, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого» — едва ли можно лучше описать собственную литературную смелость Чехова...»¹.

Н. О. Лосский о Чехове выразился так: «Чехов, бывший в детстве религиозным мальчиком, утратил религию и заменил ее наивною верою в прогресс»². Это суждение кажется автору спорным и опрометчивым, поскольку, согласно свидетельствам современников, Антон Павлович «всех неизменно держал на известном расстоянии от себя»³. Сложно сказать, насколько действительно Антон Павлович верил в прогресс, но нужно помнить, что в своем творчестве А. П. Чехов не претендовал на глубину богословских и литургических исследований. Он настолько же не любил карикатурность, насколько презирал идеализацию, при том одновременно стремясь к трезвости. В своем творчестве А. П. Чехов показывал ту простоту «бытового» православия и живость веры, которые видел и ощущал сам; все это он позволяет прочувствовать и нашим современникам.

Критики в XIX в. оценили по достоинству рассказ А. П. Чехова «Святой ночью». Еще в начале XX в. литературный критик В. Н. Ильин говорил об этом рассказе А. П. Чехова как о «миросозерцательной исповеди»⁴. В советское время литературоведы не касались своей критикой рассказа, исследуемого автором статьи: подобное отношение к произведению, где главную роль автор отвел монахам, а действие происходит в праздник Пасхи, было ожидаемо.

¹ *Malcolm J. Reading Chekhov: a critical journey. New York, 2001. P. 45.*

² *Лосский Н. О. Характер русского народа: научно-популярное издание: в 2 т. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1957. С. 13.*

³ *Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников: Серия литературных мемуаров. М., 1960. С. 521.*

⁴ *Ильин В. Н. Избранные статьи из журнала «Возрождение»: публицистика. М., 2009. С. 640.*

Рассказ «Святой ночью» написан в жанре пасхальных рассказов, которые, как и святочные (рождественские) были очень популярны в XIX — начале XX в., например, «Маленькое зерно» Н. С. Лескова, «Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского, «Тапер» А. И. Куприна и др.

Автор рассказа «Святой ночью» встречает читателя живым описанием праздничной пасхальной ночи. Он как бы мгновенно погружает читателя в атмосферу праздника («Мир освещался звездами, которые вплотную усыпали всё небо. Не помню, когда в другое время я видел столько звезд. Буквально некуда было пальцем ткнуть»⁵), делая его непосредственным зрителем разворачивающейся картины.

Свое повествование А. П. Чехов начинает с живописания благодати в окружающей природе. Звезды — один из первых символов, которые встречаются в повествовании А. П. Чехова. По мнению Уиллы Аксельрод, посвятившей свою статью «*Passage from Great Saturday to Easter Day in Holy Night*» рассказу А. П. Чехова «Святой ночью», «невольные» сравнения автором звезд с яйцом и конопляным семенем в рассказе⁶ показывают начинающийся процесс «обновления»⁷. Но здесь также есть еще один важный символ. Звезды — это та слава Божия, которую может видеть каждый; слава, открытая в звездном бесчисленном множестве и великолепии. В данном случае нужно помнить, что слава Господа проповедуется небесами, согласно словам 18-го библейского псалма (Пс 18. 2). Сам Спаситель Иисус Христос говорит о Себе так: «Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (Откр 22. 16). Святые также предстают в Послании ап. Павла в образе звезд: «Вы сияете, как светила в мире» (Флп 2. 15). Именно это видение славы Божией рассказчиком — предвестник дальнейших событий.

В центре рассказа «Святой ночью» — послушник Иероним, тихий и застенчивый, которого встречает рассказчик. Иероним переживает тяжкое горе, которым он делится с попутчиком. Умер друг послушника, монах-священнослужитель иеродиак. Николай. Он был для Иеронима столь близок, что «у иного человека и матери такой нет»⁸. Иероним искренне не понимает, почему иеродиак. Николай умер, что по мнению У. Аксельрод символически выражается в самой позе послушника, когда он наклоняется над тросом парома в виде «просительного знака»⁹.

Образ Николая, монаха и учителя (*mentor* — англ.) послушника Иеронима отсылает читателя к истории Христа, Который также распят был накануне ев-

⁵ Чехов А. П. Святой ночью. Рассказ. М., 1898. С. 3.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Axelrod W. C. *Passage from Great Saturday to Easter Day in «Holy Night»* // *Reading Chekov's text / ed. by R. L. Jackson. Northwestern University Press, 1993. P. 101.*

⁸ Чехов А. П. Святой ночью. Рассказ. М., 1898. С. 7.

⁹ Axelrod W. C. *Passage from Great Saturday...* P. 97.

рейской пасхи. Следует обратить внимание и на то, как послушник рассказывает о своем учителе; при этом как нельзя кстати приходятся слова из библейского диалога между Иисусом Христом и Его учениками: «Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; Как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его» (Лк 24. 18–20).

«А какие, батюшка, у вас скорби? ... Обыкновенно, как и у всех. Но в нынешний день случилась в нашем монастыре особая скорбь...»¹⁰.

«Ваше благородие, а ум какой светлый... Кроме всех прочих человеческих качеств, в нем был еще и дар необычайный... Были которые смеялись и даже за грех почитали его писание»¹¹.

Тонотом выздоравливающего больного отвечает рассказчику послушник Иероним. Рассматривая метафору выздоровления у А. П. Чехова в контексте аналогий Нового Завета, можно усмотреть множество примеров исцеления Спасителем: так или иначе они были связаны с сильной дальнейшей духовной переменой в сердцах исцеленных. Той самой переменной, которая пробуждала в них зачатки (не во всех, и пока еще только зачатки) любви и способствовала укреплению веры. События описываемой рассказчиком ночи обрамлены не только чистотой славы Господа, но и ее непосредственным действием на душу встреченного рассказчиком паромщика.

Более того, все повествование рассказа пронизано той самой христианской любовью, без которой невозможно православие: «Он всегда приходил на берег и окликал меня. Нарочито для этого ночью с постели вставал. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая!»¹².

Но не только за заботу «физическую» любит Иероним своего близкого друга — его любовь видится еще более возвышенной, когда он говорит о нем, как о человеке с Божиим даром составления акафистов: «Чудо! Истинное чудо!... Тут и мудростью ничего не поделаешь, ежели Бог дара не дал»¹³. Этот дар исследователем Н. Первухиной назван «манифестацией Божьего благословения»¹⁴. Автор рассказа устами Иеронима описывает акафисты иеродиак. Николая, используя цитаты из хорошо известных акафистов Иисусу Сладчайшему, Богородице и Николаю Чудотворцу: «Светоподательна светильника сущим...»

¹⁰ Чехов А. П. Святой ночью... С. 6.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ *Pervukhina N. Chekhov's «Easter Night» and the Ornate Style // Canadian Slavonic Papers. 1993. Vol. 35, no. 1/2. P. 36.*

сказано в акафисте к Иисусу Сладчайшему. Светоподательна! Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах...»¹⁵.

Ни капли земного страстного чувства не сквозит в словах послушника, ни слова зависти или ревности о подобном даре; нет слов, передающих и гордость за него. Лишь скорбь о лучшем друге почившем, но и той уделено немного места. Больше всего его душа полнится удивительными воспоминаниями о даре иеродиакона, которые наполняют ее благоговением, восторгом. Сколь чистым сердцем и светлой душой предстает послушник Иероним!

Но не только о почившем друге печалится паромщик. Он не может попасть на пасхальное богослужение, ведь его забыли сменить на посту.

А тем временем приближающийся противоположный берег, где стоит церковь и совершается пасхальное богослужение, предстает заколдованным царством, темным, удушливым, и описание его нелицеприятно. Немаловажную роль здесь играют неоднократно упоминаемые Антоном Павловичем смоляные бочки. Горящая смола в библейском повествовании — символическое изображение запустения, например, в случае суда над идумейскими землями¹⁶ или наказания Содома и Гоморры¹⁷.

Здесь важно, что именно земляная смола упомянута в Библии в качестве средства для строительства Вавилонской башни — великого месопотамского зиккурата, который должен был помочь древним взойти на небо¹⁸.

В рассказе А. П. Чехова прослеживается та же аналогия с воцарившимся пороком человека, посреди которого неизбежно возвышается храм Божества: «...мы постепенно вплывали в заколдованное царство, полное удушливого дыма, трещащего света и гама... Мельканье огня придавало их красным лицам и фигурам странное, почти фантастическое выражение...»¹⁹.

Посреди этого должна была совершиться пасхальная литургия, именно здесь ее место, «ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк 19. 10); здесь впоследствии и совершается чудо, преображающее избранных среди званых.

Послушник Иероним не боится этой тьмы вокруг, он жаждет попасть внутрь храма. Но смиренно он продолжает исполнять свое послушание...

Рассказчик не говорит об осадке в его душе, которую оставил разговор с Иеронимом. Может, и не было этого осадка. Но автор, после погружения в беседу с послушником, несет в своей душе образ того светлого монаха, писавшего

---

¹⁵ Чехов А. П. Святой ночью... С. 9.

¹⁶ См.: Ис 34. 9.

¹⁷ См.: 3 Езд 2. 9.

¹⁸ См.: Быт 11. 3.

¹⁹ Чехов А. П. Святой ночью... С. 11.

акафисты, и для которого «слаже и писания не было, как этот канон (пасхальный. — С. К.)»²⁰. С чем же он встречается на самом пасхальном богослужении?

«Люди снуют с места на место, слоняются и как будто чего-то ищут... О сосредоточенной молитве не может быть и речи. Молитв вовсе нет, а есть какая-то сплошная, детски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться в каком-нибудь движении, хотя бы в беспардонном шатании и толкотне... На всех было живое выражение торжества; но ни один человек не вслушивался и не вникал в то, что пелось, и ни у кого не “захватывало духа”»²¹.

Сам по себе рассказчик — отстраненный от монастырской жизни человек, который негативно реагирует на вопросы паромщика, не желая вступать в «один из тех “продлинновенных”, душеспасительных разговоров, которые так любят праздные и скучающие монахи»²². Возможно, если бы не было этого разговора со смиренным послушником, рассказчик поддался бы этой безотчетной, объемлющей всех вокруг суете и торжеству, которое переполняло всех вокруг. И он не услышал бы доносившихся с клироса слов: «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь... се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя...»²³.

Но рассказчику, также «слившемуся с толпой и заразившемуся всеобщим радостным возбуждением», было одновременно «невыносимо больно» за Иеронима, оставшегося смиренно исполнять свое послушание. Ведь никто не вникал в то, что пелось во время этого дивного богослужения, а тот единственный, кто мог бы жадно ловить «красоту святой фразы... пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всём храме человека счастливее его» был где-то посреди реки с озябшим, покрытым росой лицом²⁴.

«Святая ночь» у А. П. Чехова — это не просто ночные часы, а особенное время суток. Это время, когда просыпаются религиозные и внутренние силы в человеке, время осознания одиночества и переживания смерти. Река является символом границы между двумя мирами: здесь есть метафора реки, как границы между миром живых и миром мертвых (Стикс), и Иеронима, как перевозчика (легенда о странноприимном Юлиане, перевезшем Христа). У Аксельрод говорит о следующем символизме: в символе троса она видит христианский крест, а паром, по ее мнению, символизирует Церковь — христианский корабль спасения²⁵. В ее прочтении рассказа также большую роль играет факт

²⁰ Чехов А. П. Святой ночью... С. 11.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же. С. 6.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Там же. С. 13–14.

²⁵ Axelrod W. C. Passage from Great Saturday... P. 98.

пересечения реки: паромщик перевозит рассказчика, символизируя переход Церкви от периода Великого поста к Пасхе, — это образ духовного перехода.

Библейский контекст символа реки глубже: река — это не просто граница. Это также и «реки воды живой» (Ин 7. 38), текущие из чрева верующего. Здесь становится явной метафора, которая говорит об «излиянии» вечной жизни от Иисуса Христа, в контексте которой становится понятен разлив спокойной «в обыкновенное время» Голтвы, которая «затопила оба побережья»²⁶.

Далее происходит процесс возрождения, «обновления», который становится виден рассказчику после пасхального богослужения и который тоже живописуем в рассказе картиной окружающей действительности: ночной живой растительностью и горящими бочками с дегтем. Британский литературовед Дональд Рейфилд подмечает, что у А. П. Чехова «экстаз весны» сливается воедино с праздником Воскресения Христова, что вкупе с горящими бочками смолы рождает «волшебную атмосферу перерождения»²⁷.

Когда рассказчик возвращается из монастыря, то картина окружающего мира разительно изменяется. Это второе пересечение, переход в обновленный славой Божией мир. Один из символов обновления, которые надо непременно отметить — это утро: «Когда после обедни мы вышли из церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звезды погасли, и небо представлялось серо-голубым, хмурым»²⁸.

Образ утра в Библии встречается во множестве мест. Он отражает момент отделения ночи от дня, границу нового цикла, исходную точку отсчета новой реальности и проявления Божиих дел, ниспосланного людям Откровения, явленных наказания или благословения:

«И ходили они кругом, и подстерегали его всю ночь в воротах города, и таились всю ночь, говоря: до света утреннего подождем, и убьем его» (Суд 16. 2);

«И встав рано утром, поклялись друг другу; и отпустил их Исаак, и они пошли от него с миром» (Быт 26. 31);

«...каждое утро являет суд Свой неизменно...» (Соф 3. 5);

«...вечером водворяется плач, а на утро радость...» (Пс 29. 6);

«...и будь готов к утру, и взойди утром на гору Синай, и предстань предо Мною там...» (Исх 34. 2).

Следующий важный библейский символ — роса. Его явно выделяет и сам А. П. Чехов в повествовании: «Чугунные плиты, памятники и почки на деревьях были подернуты росой... Канат, влажный и, как казалось мне, сонный... Озябшее, покрытое росой лицо...»²⁹.

²⁶ Чехов А. П. Святой ночью... С. 3.

²⁷ Rayfield D. Understanding Chekhov: A Critical Study Of Chekhov's Prose And Drama. Madison, 1999. P. 44.

²⁸ Чехов А. П. Святой ночью... С. 15.

²⁹ Там же. С. 15–16.

Символ росы — один из древнейших. Его использование прослеживается и в месоамериканской мифологии (бессмертие), и буддизме (вода — нектар бессмертия, амрита). Символ росы встречается и в Библии, где показывает созидательную и оживотворяющую силу Бога; этот символ сопровождает чудеса Божии, показывает Его милость и благословение:

«...роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни нечто мелкое, крупновидное, мелкое, как иней на земле» (Исх 16. 14);

«Воспряньте и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов» (Ис 26. 19);

«...яко роса Аермонская сходящая на горы Сионския...» (Пс 132. 3);

«И сказал Гедеон Богу: если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты, то вот, я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты. Так и сделалось: на другой день, встав рано, он стал выжимать шерсть и выжал из шерсти росы целую чашу воды» (Суд 6. 36–38).

В повествовании А. П. Чехова росой покрыто все вокруг после пасхального богослужения, покрыты росой и лицо Иеронима, и трос парома, превратившийся из символа смерти в символ спасения, и памятники (надгробия). Все из знака смерти и перехода в иной мир постепенно преобразуется в знак обновления, воскресения. Роса — символ жизни, появляется утром и покрывает окружающий мир.

Еще один важный символ — туман. Он присутствует в части рассказа, посвященной повествованию о событиях после пасхального богослужения. Он покрывает реку, холмы, обволакивает окружающую действительность: «То там, то сям носился легкий туман... Канат влажный... Местами исчезал в белом тумане»³⁰.

У Аксельрод видит в упоминаемом рассказчиком тумане образ Плащаницы Христа³¹. Однако встречающийся в Библии символ тумана в контексте Божественного проявления также показывает трансцендентность энергий Бога, действующих в этом мире; кроме того, туман — один из символов действия Божиих силы и славы, их предвестников, видимых признаков:

«...пар (mist — «туман», в переводе Библии RSV. — С. К.) поднимался с земли и орошал все лице земли» (Быт 2. 6)³²;

«Но скорым исцелением всему служит туман» (Сир 43. 24);

«...огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его» (Пс 148. 8).

³⁰ Чехов А. П. Святой ночью... С. 15.

³¹ Axelrod W. C. Passage from Great Saturday... P. 100.

³² The Holy Bible: Revised Standard Version. San Francisco, 2006. P. 2.

Немаловажен и акцент А. П. Чехова на количестве прихожан, которые ждут переправы на пароме: «Когда я прыгнул на паром, на нем уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчин и женщин»³³.

Возникает вопрос, куда пропали остальные прихожане, которых автор рассказа неоднократно называл «толпой», «волнами», «приливом» и «отливом»³⁴.

В контексте символической аналогии, предполагаемой данным исследованием, можно предположить, что автор устами Иеронима отвечает на похожий вопрос, заданный рассказчиком: «— Вас еще не сменили?..

— Теперь уж некому до самого утра. Все к отцу архимандриту сейчас разговляться пойдут-с»³⁵.

Здесь становится понятен акцент на весьма малое число окруженных символами обновления верующих, которые отправились в обратный путь.

Среди упомянутых рассказчиком людей на пароме «Аксельрод» видит воскресшего друга послушника Иеронима — иеродиака. Николая, делая акцент на долгом ищущем взгляде послушника на женщину, объятую туманом, словно саваном³⁶.

Подводя итоги, нужно отметить, что мнения литературоведов разнятся по поводу уместности символического толкования образов в рассказе А. П. Чехова. Керри МакСуини, исследователь литературы и профессор в университете Макгилла, считает подобное толкование произведения А. П. Чехова в духе символизма неприемлемым, называя это актом «интерпретационного тоталитаризма, в котором каждая частица поверхности чеховского рассказа становится зернышком на символической мельнице»³⁷. По мнению МакСуини, образы, использованные А. П. Чеховым в его «Святой ночью», нужны не для передачи религиозного подтекста, а для создания интенсивного эмоционального эффекта и отклика у читателя.

Рассказ носит название, относящееся к самому важному христианскому празднику, поскольку автор утверждает эту важность праздника для героев своего повествования: Иероним — праведный, искренний и смиренный человек, безропотно исполняющий свое послушание, Николай — кроткий монах и автор искренних акафистов, результатов Божьего дара, неоцененного легкомысленными монахами, автор, который никак не говорит о своей религиозности и вере и увлекается всеобщим праздничным торжеством, но одновременно внимает словам пасхальной молитвы.

³³ Чехов А. П. Святой ночью... С. 15.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ Axelrod W. C. Passage from Great Saturday... P. 102.

³⁷ McSweeney K. Chekhov's Stories: Effects or Subtexts? // Modern Language Studies. 2004. Vol. 34, no. 1/2. P. 47.

Каждый, кто проходит через события этой ночи, причастен к трансисторичности, символически прикасается к событиям, вспоминаемым за православным богослужением. В каждом герое рассказа эта Святая ночь пробуждает истинную сущность души, о чем и повествует автор — символически, но совершенно реальными образами окружающей читателя Святой ночи.

Источники

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: (канонические): в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 2011.
2. Чехов А. П. Святой ночью. Рассказ. М., 1898.
3. The Holy Bible: Revised Standard Version. San Francisco, 2006.

Литература

1. Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников: Серия литературных мемуаров. М., 1960. С. 511–538.
2. Ильин В. Н. Избранные статьи из журнала «Возрождение»: публицистика. М., 2009.
3. Лосский Н. О. Характер русского народа: научно-популярное издание: в 2 т. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1957.
4. Axelrod W. C. Passage from Great Saturday to Easter Day in «Holy Night» // Reading Chekhov's Text / Ed. by R. L. Jackson. Northwestern University Press, 1993. pp. 96–102.
5. Malcolm J. Reading Chekhov: A Critical Journey. New York, 2001.
6. McSweeney K. Chekhov's Stories: Effects or Subtexts? // Modern Language Studies. 2004. Vol. 34, no. 1/2. P. 42–51.
7. Pervukhina N. Chekhov's «Easter Night» and the Ornate Style // Canadian Slavonic Papers. 1993. Vol. 35, no. 1/2. P. 29–44.
8. Rayfield D. Understanding Chekhov: A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama. Madison, 1999.

Deacon S. A. Knyazkin

BIBLICAL SYMBOLISM IN A. P. CHEKHOV'S STORY "EASTER EVE"

Abstract. The author focuses on A. P. Chekhov's story "Easter Eve", though the question of the relevance of the study of this story in a symbolic context is still debatable. At the same time, foreign researchers have already made serious attempts to analyze A. P. Chekhov's work on the subject of symbolism. In particular, W. C. Axelrod studied the story "Easter Eve" in the context of a common symbol of the liturgical transition from Holy Saturday to Easter. However, Axelrod's hermeneutic interpretation of symbolism was not applied to all the images of this Chekhov's story.

The article offers a broader view and detailed commentary on the biblical images used by A. P. Chekhov in the story “Easter Eve” and focuses on the hermeneutical analysis of the studied symbols. As a research task, the author attempts to analyze this story of A. P. Chekhov on the subject of biblical symbolism, based on previous studies of the object. The purpose of the article is a comprehensive review of the existing biblical symbols in this story. Special attention is paid to the interpretations and comments of foreign literary critics W. C. Axelrod, D. Rayfield and C. McSweeney. The author of the article considers this story to be an integral system of symbols, built around a single central idea, and therefore, the analysis of the work is based on a systematic methodological approach, with the principles of integrity and structuring. From the point of view of scientific novelty, this study is of special interest as the first attempt of domestic science to thoroughly study Chekhov’s story “Easter Eve” in terms of biblical symbolism, on the basis of foreign sources known to the author. The author of the article concludes that the biblical symbolism allows A. P. Chekhov to show the direct involvement of each of the story character to the biblical events remembered during the Easter service.

Keywords: *A. P. Chekhov, Easter Eve, Easter story, biblical images, Russian literature, XIX century, symbol.*

Citation. Knyazkin S. A. Bibleiskii simbolizm v rasskaze A. P. Chekhova «Sviatoi noch’iu» [Biblical Symbolism in A. P. Chekhov’s Story “Easter Eve”]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 34, pp. 80–91. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-80-91

About the author. Knyazkin Sergey Aleksandrovich, Deacon — Master of Religious Studies, cleric at the Ss Cyril and Methodius Church of the Moscow diocese of Russian Orthodox Church (Russia, Podolsk). *E-mail:* fnist.theologian@yandex.ru

Submitted on 31 July, 2020

Accepted on 15 September, 2020

References

1. Axelrod W. C. Passage from Great Saturday to Easter Day in «Holy Night». *Reading Chekhov’s text*. Ed. R. L. Jackson. Northwestern University Press, 1993, pp. 96–102.
2. *Bibliia: Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta: (kanonicheskie): v russkom perevode s paralel’nymi mestami i prilozheniiami* [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: (Canonical): In Russian Translation with Parallel Places and Appendices]. Moscow, 2011.
3. Bunin I. A. Chekhov. *A. P. Chekhov v vospominaniakh sovremennikov: Seriiia literaturnykh memuarov* [A. P. Chekhov in the Memoirs of Contemporaries: A Series of Literary Memoirs]. Moscow, 1960, pp. 511–538.
4. Chekhov A. P. *Sviatoi noch’iu. Rasskaz* [Easter Eve. A Story]. Moscow, 1898.
5. Il’in V. N. *Izbrannye stat’i iz zhurnala «Vozrozhdenie»: publitsistika* [Selected Articles from the Journal “Vozrozhdenie”: Journalistic]. Moscow, 2009.

Библейский символизм в рассказе А. П. Чехова «Святой ночью»

6. Lossky N. O. *Kharakter russkogo naroda: nauchno-populiarnoe izdanie: v 2 t.* [The Character of Russian People: Popular Science Publication in 2 vols.]. Frankfurt, 1957, vol. 2.
7. Malcolm J. *Reading Chekhov: A Critical Journey.* New York, 2001.
8. McSweeney K. Chekhov's Stories: Effects or Subtexts? *Modern Language Studies*, 2004, vol. 34, no. 1/2, pp. 42–51.
9. Pervukhina N. Chekhov's "Easter Night" and the Ornate Style. *Canadian Slavonic Papers*, 1993, vol. 35, no. 1/2, pp. 29–44.
10. Rayfield D. *Understanding Chekhov: A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama.* Madison, 1999.
11. *The Holy Bible: Revised Standard Version.* San Francisco, 2006.